КУЛЬТУРОЛОГИЯ МЕДИА
CULTURAL MEDIA

Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 4 (58). С. 36–49.
eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).
Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2025;4(58): 36–49.
eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).

Научная статья
УДК 070.4:316.774
DOI 10.47475/2070-0695-2025-58-36-49

Г. Б. ЗДАНОВИЧ КАК ПОЭТИЧЕСКАЯ ФИГУРА В ЛОКАЛЬНОМ КУЛЬТУРНОМ ТЕКСТЕ ЮЖНОГО УРАЛА (К ПРОБЛЕМЕ ИНФОРМАЦИОННО-СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА МЕСТА)

Артем Владимирович Дробышев
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия,
d.artyom2018@gmail.com, SPIN-код: 9514-8745

Аннотация. Статья посвящена феномену локальной культурной идентичности, преломленной в знаковых (для конкретного локуса) фигурах – выдающихся личностей, определяемых как «знаки-имена». Жизненный путь таких личностей являет собой стратегию, воспринимаемую в качестве культурного образца; знаки-имена рассматриваются в контексте формирования и распознавания информационно-символического капитала территории. В статье анализируется жизненная стратегия российского археолога Геннадия Борисовича Здановича (имя которого связано с открытием археологического памятника Аркаим на Южном Урале) сквозь призму поэтической культурно-поведенческой матрицы и её функционирования в контексте локального текста Челябинска как центра Южного Урала. Творческий путь Г. Б. Здановича исследуется с позиций текстологического подхода и культурологической текстологии, направленной на выявление культурных кодов, заданных в виде бинарных оппозиций на материале мемуарно-биографической литературы, очерков и воспоминаний об ученом, научных статей и видеолекций учёного, а также фрагментов видеохроники с его участием. В качестве параллельного (сравнительного) текста используется поэтический корпус (103 626 текстов, 14 097 265 слов) в системе Национального корпуса русского языка. Определение специфики основных бинарных оппозиций в поэтическом корпусе осуществлено в рамках антропоцентрического подхода: «Человек – Мир»; основная бинарная оппозиция «Поэт – Мир» детализируется в следующих дихотомиях: «Поэт – Природа» и «Поэт – Общество». В статье отмечается особая роль знака-имени Г. Б. Здановича в символическом капитале региона и городском культурном коде Челябинска как центра Южного Урала.

Ключевые слова: Зданович, Аркаим, Челябинск, Южный Урал, поэт, поэтическая фигура, символический капитал, знак-имя, культурный код

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (совместно с органами власти Челябинской области) № 23-18-20098, https://rscf.ru/project/23-18-20098, проект «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)»

Для цитирования: Дробышев А. В. Г. Б. Зданович как поэтическая фигура в локальном культурном тексте Южного Урала (к проблеме информационно-символического капитала места) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 4 (58). С. 36–49. doi: 10.47475/2070-0695-2025-58-4-36-49

Original article

G. B. ZDANOVICH AS A POETIC FIGURE IN THE LOCAL CULTURAL TEXT OF THE SOUTHERN URALS (ON THE PROBLEM OF A PLACE'S INFORMATION-SYMBOLIC CAPITAL)

Artyom V. Drobyshev
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, d.artyom2018@gmail.com

Abstract. This article examines the phenomenon of local cultural identity as refracted through symbolic figures – eminent individuals defined as "sign-names" – significant for a specific locality. The life paths of such individuals represent strategies perceived as cultural models; "sign-names" are considered within the context of the formation and recognition of a territory's information-symbolic capital. The article analyzes the life strategy of the Russian archaeologist Gennady Borisovich Zdanovich (whose name is associated with the discovery of the Arkaim archaeological site in the Southern Urals) through the lens of a poetic cultural-behavioral matrix and its functioning within the local text of Chelyabinsk as the central city of the Southern Urals. Zdanovich's career is investigated from the standpoint of a textological approach and cultural textology, aimed at identifying cultural codes expressed through binary oppositions. The analysis draws on materials from memoir-biographical literature, essays, recollections about the scholar, his scientific articles, video lectures, and archival footage featuring him. A parallel (comparative) text is provided by the poetic corpus (103,626 texts, 14,097,265 words) within the Russian National Corpus. The identification of the principal binary oppositions in the poetic corpus is framed within an anthropocentric approach: "Human Being – World." The core binary opposition "Poet – World" is detailed through the following dichotomies: "Poet – Nature" and "Poet – Society." The article highlights the particular role of G.B. Zdanovich's "sign-name" in the symbolic capital of the region and in the urban cultural code of Chelyabinsk as the center of the Southern Urals.
Key words: Zdanovich, Arkaim, Chelyabinsk, Southern Urals, poet, poetic figure, symbolic capital, name sign, cultural code

Acknowledgments: The study was Supported by the Russian Science Foundation and Chelyabinsk region, № 23-18-20098, https://rscf.ru/en/project/23-18-20098/

For citation: Drobyshev A. V. (2025). G. B. Zdanovich as a Poetic Figure in the Local Cultural Text of the Southern Urals (On the Problem of a Place's Information-Symbolic Capital). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 4(58): 36–49. doi: 10.47475/2070-0695-2025-58-4-36-49.

Введение

В исследованиях культуры последних лет авторами активно рассматривается феномен локальной культуры и культурной идентичности, уникальности определённого культурного пространства, того или иного региона, города и т. д. В подобных работах одним из актуальных является анализ наиболее существенных знаков, составляющих символический капитал территории, которая прочитывается культурологами в качестве текста культуры. Важное место занимают знаки-имена и, в частности, имена собственные. Последние, как правило, связываются с наиболее выдающимися личностями, имеющими высокое значение как для истории и культуры данной страны и мира, так и для отдельной локальной территории (региона, области, города).

Рискнём выдвинуть предположение, что именно это обстоятельство включенности знака-имени в символический капитал большого (мир), среднего (страна, государство) и малого (город) круга обстоятельств, большой и малой истории составляет «удельный вес» такого знака, его высокую культурную ценность. Подобные фигуры в контексте рассмотрения феномена культурного поведения и формирования основных поведенческих типов могут быть интерпретированы в качестве духовных лидеров (Зубанова 2009). Последние в культурологическом ракурсе также могут быть прочитаны в качестве текстов культуры, то есть восприняты не только сквозь призму своих трудов, исследование которых, как правило, предмет детального рассмотрения отдельных специалистов, но и в контексте их жизненного пути, биографии, судьбы и т. д. Духовный лидер, таким образом, прочитывается «целиком» и являет собой жизненный пример, определённую стратегию, воспринимаемую в качестве культурного образца.

При этом, разумеется, для данной конкретной культуры могут быть полезны стратегии, не только нацеленные на успех (с точки зрения общественности), но и так называемые стратегии «неуспеха», выстраиваемые от обратного. В своих исследованиях сущности культурного кода той или иной нации Борис Переслегин предлагает рассматривать в качестве такого кода «набор практик, полученный за огромное время существования данной цивилизации. <...> Для каждой нации, которая выжила и дожила до сегодняшнего дня, культурный код – это лучшее, что она могла придумать; это за тысячелетия отобранные лучшие образцы её практики», то есть культурный код может быть сведён к двум основным вопросам: «Как и зачем (вместе) жить на этой территории? <…> Как и зачем (вместе) умирать на этой территории?» (https://youtu.be/agDok03Rsvg). В этом ракурсе сфера духовного лидерства (именно в широком смысле, а не только религиозном) являет собой частный случай культурного кода той или иной группы людей, объединённой исторически, территориально и лингвистически. Несмотря на важную, с нашей точки зрения, роль «неуспешных» стратегий и их сравнительно слабую изученность, в настоящей статье мы сосредоточим фокус внимания только на «успешных» стратегиях культуры, которые и составляют сферу духовного лидерства.

Обзор аналогов

При ближайшем рассмотрении конкретных территорий можно увидеть, что ключевыми фигурами духовного лидерства, чьи знаки-имена составляют символический капитал, оказываются деятели науки, политики, искусства (в том числе военного), культуры и спорта, наиболее отличившиеся в истории страны и мира и внёсшие существенные вклад в развитие общества.

Для иллюстрации данного тезиса приведём несколько примеров подобных случаев на материале

локального культурного текста Казани, Екатеринбурга (Свердловска) и Тобольска. Такой выбор обусловлен, прежде всего, необходимостью сделать фрагментарный иллюстративный обзор. С другой стороны, мы останавливаемся именно на крупных центрах за исключением Москвы и Санкт-Петербурга: Казань – центр Татарстана, Екатеринбург – Свердловской области, Тобольск – исторический центр Сибири и Тобольского уезда. В-третьих, все выделенные территории были изучены автором статьи, в том числе, в очном формате, что позволило зафиксировать наличие ключевых знаков-имён в городских кодах указанных территорий непосредственно.

В первом случае (территория Казани) обращение к различным интернет-статьям (Известные люди, жившие в Казани... (и немного о Казани и известных татарах))) // Бэби.ру. 03.09.2015. URL: https://forum.baby.ru/blogs/post/412806039-68229524) позволяет констатировать среди прочих выдающуюся роль учёного и математика Николая Ивановича Лобачевского. Основной заслугой (перед миром!) знаменитого жителя города считается первенство в открытии неевклидовой геометрии. При этом, как отмечается в ряде источников, Н. И. Лобачевский «опередил своё время и до конца жизни остался непонятым, лишь в 1870-е годы (*т. е. почти 15 лет после смерти – А.Д.*) пришла всемирная слава, сделавшая Лобачевского первым в ряду великих русских математиков XIX века. <…> Новаторский подход Лобачевского проторил дорогу таким фундаментальным идеям в математике, как риманова геометрия, “Эрлангенская программа” Феликса Клейна и общая теория аксиоматических систем» (Учёные-физики и астрономы и их открытия // Астро-старт. URL: http://www.astro-start.ru/учёные-физики-и-астрономы/). И далее – «Лобачевский в течение 40 лет преподавал в Императорском Казанском университете, в том числе 19 лет руководил им в должности ректора; его активность и умное руководство вывели университет в число передовых российских заведений» («Коперник геометрии»: Николай Иванович Лобачевский // Владимирская областная научная библиотека. 28.12.2020. URL: https://clck.ru/3QWM8d).

Как видно из приведённых утверждений, знак-имя Н. И. Лобачевского соединяет в себе общемировую, всероссийскую и локальную ценность. Показателем того, что выдающийся учёный на знаковом уровне составляет символический капитал современной Казани, является открытие памятника возле университета, образование мемориальной музей-квартиры, наличие мемориальной доски, учреждение международной премии имени Н. И. Лобачевского, выпуск к 200-летию математика памятной монеты в серии «Выдающиеся личности России» (Знаменитые люди Казани. Н. И. Лобачевский // Покажу Казань. URL: https://clck.ru/3QWM9Y).

Пример Н. И. Лобачевского – один из множества в культурном коде как знаковой системе города. В Казани родились, жили и работали разные выдающиеся люди, среди которых Ф. И. Шаляпин, В. И. Ленин, Е. А. Баратынский, Габдулла Тукай, Мусса Джалиль и др. Также среди современных знаменитостей можно отметить целый ряд иных деятелей. Каждый отдельный случай необходимо разбирать более детально, однако с учётом наших целей подобная редукция является вполне оправданной.

Современный Екатеринбург также связан с множеством выдающихся личностей. Вместе с этим, традиционно ключевой фигурой для города (и всего Урала!) остаётся П. П. Бажов, писатель, журналист и «автор уральской мифологии». Точно так же, как и в случае с Н. И. Лобачевским, сказы Павла Петровича стали для локальной культуры своего рода прецедентным текстом, влияние которого распространилось далеко за пределы одного только Свердловска-Екатеринбурга и Урала, а кроме того – за пределы России.

Для самого города писатель или, как подчёркивал сам П. П. Бажов, сказитель ценен непосредственной связью всего жизненного пути с данной территорией. Знак-имя П. П. Бажова также материализованная часть символического капитала и культурного кода в городском тексте. Доказательством тому являются памятники, дома-музеи (Екатеринбург и Сысерть), названия множества улиц, скверов, библиотек, фестивалей и т. д. (Бажовские места // Коммерсантъ. 27.01.2022. URL: https://clck.ru/3QWMGw).

История Тобольска также связана исторически со знаменитыми людьми, начиная с Ермака Тимофеевича, декабристов, П. П. Ершова, Ф. М. Достоевского и Н. Г. Чернышевского, В. Г. Короленко, Л. Д. Троцкого и заканчивая рядом современных актёров, артистов и т. д.

Вместе с этим обращение к интернет-статьям выводит в первые ряды знаменитого химика Д. И. Менделеева, чья периодическая таблица химических элементов представляется, без всяких сомнений, величайшим достижением мировой науки, значимым, разумеется, и в общероссийских пределах (Орлов Д. Дмитрий Менделеев: самый знаменитый тоболяк // Дилетант. 14.03.2025. № 42. URL: https://diletant.media/articles/45252139).

Знак-имя Д. И. Менделеева представлен в городском пространстве в виде памятника, названия в его честь Тобольской государственной социально-педагогической академии, кроме того, на 2026 год в городе запланировано строительство «Менделеев-парка» (Почти 16 тысяч тоболяков проголосовали за проект будущего Менделеев-парка // Тюменская линия. 25.06.2025. URL: https://t-l.ru/383228.html). Помимо Тобольска, учёному открыты мемориальные дома-музеи, памятники, названы в его честь улицы, населённые пункты и многое другое в пространстве всей России (https://tobolsk-city.ru/about_tobolsk/area/289/1013),

а также в Лондоне находится барельеф учёного, расположенный на западном фасаде бывшей штаб-квартиры британской химической компании Imperial Chemical Industries (https://www.londonremembers.com/memorials/ici-5-nobel).

Поскольку знак-имя всегда связан с тем или иным выдающимся деятелем, то он – соответсвенно – также указывает на ту или иную жизненную стратегию, которая, в свою очередь, может быть соотнесена с различными типами культурно-поведенческих матриц или кодов. Так, помимо прочих, одним из важнейших в пространстве локальной городской культуры, с нашей точки зрения, является поэтический тип поведения, представленный не только поэтами в привычном понимании (стихотворцы, литераторы), но и поэтическими фигурами, чья основная профессиональная деятельность либо совсем не связана с созданием стихотворных текстов, либо имеет к ним косвенное отношение. Удачно эту мысль выразил грузинский советский поэт Георгий Леонидзе в книге поэтической прозы 1987 года «Древо желания», а именно в последних строках одноименного рассказа: «Поэты – не только те, что пишут рифмованные строки на листе бумаги. Немало и других ходит по земле – наделенных поэтическим сердцем и глазом, озарённых лучами высокой мечты» (Леонидзе Г. Н. Древо желания. Тбилиси : Мерани, 1987. С. 15). Отталкиваясь от данного положения, мы будем рассматривать в настоящей статье судьбу и жизненную стратегию выдающегося археолога и открывателя знаменитого археологического памятника Аркаим Геннадия Борисовича Здановича сквозь призму поэтической культурно-поведенческой матрицы и её функционирования в контексте локального текста Челябинска как центра Южного Урала. В связи с тем, что раннее Г. Б. Зданович никогда прежде не рассматривался как поэтическая фигура в контексте культурной-поведенческой матрицы, предпринимаемая здесь попытка видится особенно актуальной.

Теория и методология

В основе нашего исследования лежат те подходы, которые в последнее время активно разрабатываются в рамках теории текста и ряда гуманитарных наук, а также в их междисциплинарном преломлении.

Речь, в первую очередь, идёт о методе рассмотрения познаваемого объекта в качестве текста и дальнейшего его прочтения посредством той или иной целесообразной методики. Указанный подход корнями уходит во вторую половину XX века, когда вслед за лингвистическим поворотом произошёл текстоцентрический. Знаменитая максима, сформулированная французским постструктуралистом Жаком Деррида в работе «О грамматологии», утвердила возможность рассматривать весь мир в качестве текста (Деррида 2000). По прошествии десятилетий данный подход доказал свою исследовательскую эффективность. На сегодняшний день обнаруживаются самые разные работы, выполненные в этом русле: бытие как текст в философии (Семакина 1998), музейный предмет и исторический город как текст – в культурологии (соответсвенно: Старинкова 2014 и Веселова 2009), символизм как текст культуры в филологии (Смирнова 2004) и многие другие. Наиболее близким к нашему представляется метод рассмотрения в качестве текста судьбы (Смоляк 2003), жизни человека (Кораблева 2024), личности и творческой личности (Ерохина 2011, Масаев 2022, Петрова 2017).

Далее, обозначив судьбу, жизненный и творческий путь Г. Б. Здановича в качестве текста, прочтение осуществляется посредством текстологического подхода, который изначально разрабатывался в рамках филологии и литературоведения Д. С. Лихачевым, а в последнее время в рамках исторической науки И. Н. Данилевским. Если в первом случае осуществляется сравнительный анализ различных вариантов текста произведения с целью установления основного или главного для подготовки его к публикации (Лихачев 1983), то во втором случае используется метод сопоставления различных списков текстов, цель которого «выявление в тексте исторического источника ретроспективной информации об интересующем историка событии, явлении или процессе» (Данилевский 2024: 30). По аналогии нами используется метод культурологической текстологии, когда сопоставляются не только корпусы выбранных текстов, но и выделенные в них типы культурных кодов, то есть наиболее частотные (повторяемые) и устойчивые знаки и правила их сочетания (в семиотическом ракурсе): в большинстве случаев – ключевые ценности, символы, архетипы и модели поведения. При этом мы исходим из положения, согласно которому определяющие культурные коды концентрируются в содержании текста в виде бинарных оппозиций (Болдырева 2008: 37, Лотман 2022: 200).

Материалы исследования

Анализ жизненного пути Г. Б. Здановича в качестве текста осуществляется на материале сформированного корпуса из четырёх групп текстов: 1) мемуарно-биографическая литература о Г. Б. Здановиче; 2) очерки с воспоминаниями об учёном его близких и коллег; 3) научные статьи археолога; 4) видеолекции учёного и фрагменты иной видеохроники с его участием.

В качестве параллельного (сравнительного) текста используется поэтический корпус (103 626 текстов, 14 097 265 слов) в системе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). При этом выборка ограничена XIX веком («Золотой век русской литературы»), в котором была сформирована та культурно-поведенческая поэтическая матрица, во многом наследуемая в XX–XXI вв., а также поиском по критерию «автор», включая

тексты В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, которые традиционно считаются важнейшими поэтами выделенного периода.

При этом определение специфики основных бинарных оппозиций в поэтическом корпусе осуществлено в рамках антропоцентрического подхода: «Человек – Мир». Так, основная бинарная оппозиция «Поэт – Мир» детализируется в следующих: «Поэт – Природа» и «Поэт – Общество».

Результаты исследования

Согласно биографическому очерку под названием «Дорога длинною в жизнь», которым открывается биобиблиографический указатель, выпущенный к 70-летниму юбилею Геннадия Борисовича Здановича, знаменитый уральский археолог родился 4 октября в 1938 году в Дагестане. С 1959 по 1961 гг. работал киномехаником, после чего в 1962 году поступил на исторический факультет Уральского государственного университета и в этот период навсегда связал свою жизнь с археологией. После окончания университета Геннадий Борисович преподавал и работал в г. Петропавловск, где в это же время организовал Северо-Казахстанскую археологическую экспедицию. В 1976 году учёным была защищена кандидатская диссертация по истории. В этот же год Г. Б. Зданович переезжает в Челябинск и навсегда связывает свою судьбу с Челябинским государственным университетом. В 1987 году на Южном Урале происходит открытие уникального археологического памятника эпохи бронзы Аркаим, комплексному исследованию которого будут посвящены все последующие годы учёного-археолога вплоть до самой смерти в 2020 году (Зданович 2008).

Анализ ряда других биографических очерков о Г. Б. Здановиче позволяет зафиксировать повторение (иногда дословное воспроизведение) указанных выше основных жизненных этапов учёного. Фактически во всех текстах в заслугу известному археологу ставятся достижения в научной (археологической) сфере, педагогической и, главным образом, в сфере изучения и популяризации Аркаима на Урале, в России и мире в целом (Зданович Геннадий Борисович: этапы творческого пути… 2010).

Далее, при обращении к выбранным текстам, мы сосредотачиваем фокус внимания на отдельных деталях, которые касаются основной темы нашего исследования. Так, не самым очевидным, но безусловно важным для нас является момент, связанный с работой Г. Б. Здановича киномехаником и осветителем в драматическом театре. Несмотря на техническую суть данных специализаций, кино и театр как виды искусства и способы познания, с точки зрения формы, являются, в первую очередь, визуальными, а во вторую, временны́ми, то есть темпо-ритмическими. Темпо-ритм в режиссуре вообще, и кинорежиссуре в частности, традиционно считается одним из основных выразительных средств. Это принципиально роднит природу кинематографа и театра со стихосложением и музыкой. При этом, как указывают источники, сам Г. Б. Зданович был тесно связан с творчеством и впоследствии искал себя именно в такой деятельности: «Здесь (*в Алма-Ате – А.Д.*) Геннадий Борисович обучался в школе и кинотехникуме, увлёкся фотографией, немного рисовал и писал стихи. Своё будущее связывал с творческой работой, поэтому и принял в 1961 году решение поступать на факультет журналистики Уральского государственного университета» (Зданович Геннадий Борисович: этапы творческого пути… 2010). В одном из последних интервью, посвящённых 80-летию археолога, Г. Б. Зданович также указывает на эту деталь: «В школе, в восьмом-девятом классах, литературу преподавала пожилая некрасивая учительница. Но когда она говорила о Пушкине или Гоголе, или любом другом писателе, она совершенно преображалась. Восторг от её уроков я ощущаю до сих пор. Вообще, любовь к чтению у меня проявилась очень рано, но та самая учительница дала новый толчок моим гуманитарным наклонностям. Помню совершенно точно свои мысли <…>: человечество накопило столько знаний, столько красоты в восприятии жизни, хочу всё это освоить и впитать в себя» (Цветкова В. Археология как жизнь // Дзен. 03.10.2018. URL: clck.ru/3PXZKJ).

Увлечение стихами в юности – довольно распространённое явление. Однако в случае Г. Б. Здановича можно утверждать, что с поэзией он был связан на протяжении всей жизни. Так, например, в воспоминаниях о периоде его работы в Казахстане в 1970-х годах описывается атмосфера совместного празднования нового года вместе со студентами и школьниками из археологических кружков: «Понятно, что были нужны кружки, конференции, весенние разведочные выезды и тем более такая, казалось бы, рутинная работа, как выбивание фондов на экспедиционное оборудование и продуктов для сотен рабочих нескольких отрядов экспедиции. Но проведение совместных новогодних вечеров для студентов и школьников, встреча Нового года петропавловскими и карагандинскими студентами на нейтральной территории где-то на забытой уже турбазе в Боровом, а чтение стихов…» (Памяти Геннадия Борисовича Здановича // Аркаим. 28.12.2020. URL: clck.ru/3PXZR8).

Характерно, что в книге археолога и ученицы Г. Б. Здановича Е. В. Куприяновой «Аркаим: рождение легенды» представлены следующие воспоминания, относящиеся уже к периоду раскопок на Аркаиме в 1990-х годах: «Странное дело, почему-то встречать Геннадия Борисовича ежедневно в лаборатории или еженедельно на лекциях в университете казалось невеликим делом, но когда он на Аркаиме появлялся “в народе”, на нас это производило впечатление схождения небожителя. <…> И вот иногда, под вечер, он

сходил к месту какого-нибудь многолюдного сборища – костру или столовой – и начинал тихо и вдохновенно что-то вещать. <…> Совершенно не помню, о чём он нам рассказывал, сплошной туман. Помню только, что тема Аркаима (куда ж без него) переплеталась с какими-то мировоззренческими темами, поэзией и ещё бог знает с чем. И оставшееся ощущение восторга, практически шока – вот оно, настоящее…» (Куприянова 2021: 53–59). Здесь же имеются важные фрагменты из воспоминаний того времени другого археолога, Ф. Н. Петрова: «Иногда приезжал руководитель экспедиции Геннадий Борисович Зданович, он очень красиво и качественно рисовал самые сложные бровки, с увлечением расчищал встречающиеся находки, рассказывал поэтические истории, ходил любоваться закатом и учил нас, что в полевом научном дневнике нужно писать не только то, что пригодится потом для отчёта, но и личные впечатления, мечты и идеи» (Куприянова 2021: 76).

Как видно из приведённых фрагментов воспоминаний и биографических очерков, Г. Б. Зданович представляется не просто исследователем в привычном академическом смысле, но учёным-романтиком, археологом-поэтом, озарённым – по точному выражению Г. Леонидзе – высокой мечтой.

В особенности обращает на себя внимание весьма точный образ «небожителя» в воспоминаниях Е. В. Куприяновой. Образ, который далее у автора соединяется с другими яркими и важными в нашем ракурсе характеристиками: «ореол, чуть ли не нимб вокруг его личности», «он играл роль костра, от соприкосновения с которым зажигались искры в душах людей», «появлялся исключительно эпизодически, как Господь Бог, вещал что-то красивое», «был человеком, далёким от приземлённости», «его оторванность от нашего бренного существования», «человек с удивительным мировосприятием» (Куприянова 2021: 55–62). Похожие характеристики наличествуют и в других текстах, посвящённых знаменитому учёному.

Поистине удивительным кажется столь точное совпадение выделенных характеристик с образом поэта в ключевых русских поэтических текстах XIX вв. Поэт у В. А. Жуковского преимущественно представляется проводником, сиротой (одиночкой), воспринимающим мир «сквозь призму сердца», небесным гением, чья «мечтательная пища» в его собственном воображении, которое также «жизнь земную украшает», а в нерукотворный храм его ведёт «краса и благо» «стезей цветущею, но скрытою от света», а сам поэт «святых добра законов толкователь» и при этом «Его блаженство прямо с неба / Он им не делится с толпой» (НКРЯ, поэтический корпус, поиск по автору (далее – НКРЯ): В.А. Жуковский («Вчера был день прекрасной доле…»; «Княгиня! для чего от нас…», «Нарышкин, человек случайный…», «О грустном написать я должен в твой альбом…», «Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!..», «Друзья, тот стихотворец – горе…»)).

У Н. К. Батюшкова: «Мечтание – душа поэта и стихов», и вновь: «Завидное поэтов свойство: / Блаженство находить в убожестве Мечтой!», потому что именно мечтание позволяет поэту считать дворцом свою скромную хижину и быть в ней счастливым; при этом поэт не может быть лжецом даже в том случае, когда теряет «рассудка строгий глас», поскольку он – как и у В. А. Жуковского – мыслит сердцем и людям несёт не полезные блага, «Но слезы умиленья, / Но сердца тихий жар / И сладки песнопенья», а кроме этого поэты тем и ценны, что «не дают с фантазией расстаться» (Там же: Н. К. Батюшков («Подруга нежных муз, посланница небес…», «Ты прав! поэт не лжец…», «Отечески пенаты…», «Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях…»)).

В творчестве Е. А. Баратынского поэт «дитя и страсти и сомненья», но и он при этом «Нежданный сын последних сил природы», который всё также «Воспевает, простодушной, / Он любовь и красоту, / И науки, им ослушной, / Пустоту и суету: / Мимолетные страданья / Легкомыслием целя». Поэт в данном случае оказывается обладателем особого слуха, «бесполезного дара», непригодного, прежде всего, для окружающих его людей в каком-либо практическом смысле, но вместе с тем столь притягательный язык, ясный только для избранных, ставит поэта на один уровень с богом: «Твой детский вызов мне приятен, / Но не желай моих стихов: / Не многим избранным понятен / Язык поэтов и богов» (Там же: Е. А. Баратынский («Когда, дитя и страсти и сомненья…», «Век шествует путем своим железным…», «Твой детский вызов мне приятен…»)).

Поэт в текстах М.Ю. Лермонтова потому и должен быть удалён от «забот жизни» и «шума света», что рядом с ними он теряет свои «божественные сны» и находиться среди людей не умеет: «Как ты, мой друг, я не рожден для света / И не умею жить среди людей; / Я не имел ни время, ни охоты / Делить их шум, их мелкие заботы, Любовь мое всё сердце заняла» (Там же: М. Ю. Лермонтов («Я очень рад, что вы больны…», «Дай руку мне, склонись к груди поэта…»)).

И, наконец, в стихотворениях А. С. Пушкина, где «<[Поэт идет]: открыты вежды, / Но он не видит никого» и мыслит он сердцем, которому нет закона, нет условий. Именно у А.С. Пушкина независимый и непокорный поэт представляется и царём, и пророком, чья главная задача видеть и слышать мир и его красоту, тайну, при этом не угождать окружающим людям, а именно «глаголом жечь» сердца и души людей (Там же: А. С. Пушкин (<Стихи из «Египетских ночей»>: «[Поэт идет]: открыты вежды…», «Над омраченным Петроградом…», «Поэт! Не дорожи любовию народной…», «Поэт по лире вдохновенной…»,

«Пока не требует поэта…», «Духовной жаждою томим…»)).

В этом аспекте Г. Б. Зданович безусловно может считаться таким же поэтом и пророком. Упомянутая выше метафора-сравнение учёного с костром, от искр которого зажигались души, кажется здесь вполне исчерпывающей. Однако приведём ещё один пример из воспоминаний других учеников археолога более раннего периода: «У Геннадия Борисовича, прекрасного рисовальщика, были великолепные, изумительно красивые чертежи раскопов, а стратиграфические колонки он читал как летописи. Перед слушателями представали обитаемые жилища или печальные картины погребальных обрядов. И казалось, вот-вот из-за сопки на крутой берег Ишима вылетят древние всадники на косматых конях или колесничие на боевых двухколесных колесницах с копьями и луками в могучих руках…» (Памяти Геннадия Борисовича Здановича // Аркаим. 28.12.2020. URL: clck.ru/3PXZR8).

Кроме этого, важно отметить: Г. Б. Зданович видится поэтической фигурой не только исходя из того, что и с каким эффектом он говорил, но и как именно. Поэт во многом оказывается способен затронуть – по точному выражению А. А. Блока – усыплённые жизнью струны напряжённой души («Есть минуты, когда не тревожит…» (НКРЯ: А. А. Блок («Есть минуты, когда не тревожит…»))) благодаря музыкальности, интонации, ритмике и метрике самого стиха. Обращение к видеозаписям интервью и лекций Геннадия Борисовича для человека, никогда лично с ним не встречавшегося, каковым является автор данной статьи, позволяет самостоятельно убедиться в упоминавшимся раннее удивительно завораживающем, гипнотическом эффекте, который производит мягкий, тихий и мелодичный голос учёного. Вместе с тем такое наблюдение не является исключительно субъективным. При более детальном рассмотрении данных видео и разговорной манеры Г. Б. Здановича можно зафиксировать наличие в них характерных повторов: «*Он появился* как-то очень вовремя, *он появился* в период кризиса, *он появился* тогда, когда…», «…*а как* сохранить этот памятник, *а как* его исследовать…», «*Как она представляла себе* мир, *как она представляла себе* мироздание…», «…*свой* дом, *свое* жилище *нужно было поместить в* космос, *нужно было поместить в* мир…» и т. д. (https://vkvideo.ru/video477780952_456247195).

При этом отдельные фрагменты речи учёного обнаруживают в себе такую точную, выверенную ритмическую организацию, которую в поэзии принято называть силлабо-тонической системой:

«***Я*** в э|тот о|ч***а***г|
прили|в***а***ю |благо|в***о***нья|»
(чередование 3-х и 4-х стопного хорея).

Или:

«…он осв***а***|ивал ***э***т|у план***е***|ту,
Преступ***а***|я ног***а***|ми и гл***я***|дя…»
(в данном случае, 3-х стопный анапест).

Или:

«…мы се|г***о***дня| гово|р***и***м:
Бое|в***а***я |коле|сн***и***ца|…»
(здесь – 4-х стопный хорей с двумя чередующимися в каждой строке пиррихиями) (Там же).

Разумеется, мы не хотим сказать, что Г. Б. Зданович говорил и читал лекции стихами, но тем не менее, чередование подобных ритмических фрагментов в огромном количестве и многообразии, а также в сочетании с тембром голоса и интонацией, действительно делают его речь немонотонной, музыкальной и захватывающей, а во-вторых, выдают в нём человека абсолютно начитанного, в том числе, поэзией.

Первая ключевая для нашего исследования бинарная оппозиция в культурной матрице поэзии рассматривается на сопоставлении и соединении: «Поэт – Природа». Вновь обращаясь к поэтическому корпусу НКРЯ (на примере А. С. Пушкина), мы фиксируем два основных мотива.

Первый всегда связан с природой как источником той самой красоты, вдохновения, мечтаний, «божественных снов» и звуков, которые поэт не только может слышать, но и отражать их подобно эху. Тот «глагол», которым поэт призван «жечь» сердца людей, прежде всего должен коснуться его самого, именно тогда в «ничтожном» человеке и оживает поэтическая душа: «Молчит его святая лира; / Душа вкушает хладный сон, / И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он. / Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепенется, / Как пробудившийся орел». При этом важно подчеркнуть: «божественный глагол», как и «божественные сны», не связаны здесь с богом как культом в религиозном смысле. Опираясь на ряд авторитетных исследований по данному вопросу, можно утверждать,

что А. С. Пушкин на протяжении жизни оставался атеистом («Напрасно ищет он унынью развлеченья; / Напрасно в пышности свободной простоты / Природы перед ним открыты красоты; / Напрасно вкруг себя печальный взор он водит: / Ум ищет божества, а сердце не находит. <…> “Счастливцы! – мыслит он, – почто не можно мне / Страстей бунтующих в смиренной тишине, / Забыв о разуме и немощном и строгом, / С одной лишь верою повергнуться пред богом!”). А. С. Пушкин, как видно из приведённого отрывка, не только не верил в бога, но и страдал в отсутствии это формы «услады» души и «унынья развлечения» (НКРЯ: А. С. Пушкин («Ревет ли зверь в лесу глухом…», «Пока не требует поэта…», «О вы, которые с язвительным упреком…»)).

После обнаружения на Урале, в Нижнем Тагиле в конце 1930-х гг. неизвестных ранее писем семьи Карамзиных, которые впоследствии получили название «Тагильская находка», был развеян распространённый миф о том, что поэт окончил жизнь христианином. Приведём для иллюстрации слова из телепередачи известного советского писателя, признанного лермонтоведа и доктора филологических наук Ираклия Андроникова, которым данные письма были подготовлены к печати в 1956 году в журнале «Новый мир»: «Умирающему Пушкину Николай I послал записку, в которой советовал ему исполнить христианский обряд, и пообещал, что обеспечит за это его жену и детей. Пушкину пришлось принять это условие: он ничего не оставлял жене, кроме долгов. Когда же на другой день Жуковский обратился к царю с предложением составить указ о заслугах Пушкина, как однажды он уже составлял подобный указ о заслугах Карамзина, царь ответил ему – об этом пишет сыну Екатерина Андреевна (*имеется виду жена Н.М. Карамзина – А.Д.*): “Послушай, братец! Я всё сделаю для Пушкина, что могу, но писать, как Карамзину не стану. Пушкина мы насилу заставили умереть, как христианина, а Карамзин жил и умер, как ангел”. Стоит только вдуматься в эти слова. <…> И восемьдесят лет писали потом биографы на основании ложных воспоминаний друзей, что Пушкин умер, примирённый с престолом и богом. Письма Карамзиных до конца разоблачают эту легенду» (https://vkvideo.ru/video-211039156_456243004).

И вместе с тем, в стихах поэта неоднократно упоминается иное божество. Бог, который и дарует ему талант особого взора и слуха («И бога глас ко мне воззвал: / “Восстань, пророк, и виждь, и внемли…”»), которому, в конечном счёте, и должна быть послушна муза («Веленью божию, о муза, будь послушна…»). Единственным истинным богом для поэта остаётся именно природа, космос и мироздание вообще.

Второй мотив логически вытекает из первого и связывает природу с местом укрытия, уединения и даже побегом от «суетного света» («Тоскует он в забавах мира, / Людской чуждается молвы, / К ногам народного кумира / Не клонит гордой головы; / Бежит он, дикий и суровый, / И звуков и смятенья полн, / На берега пустынных волн, / В широкошумные дубровы...») (НКРЯ: А. С. Пушкин («Духовной жаждою томим…», «Пока не требует поэта…»)). Тот же мотив обнаруживается и в стихах других поэтов XIX вв.

Данная бинарная оппозиция до удивления, фактически точь-в-точь воплощается в судьбе Г. Б. Здановича. По свидетельству всё той же Е. В. Куприяновой, учёный считал себя атеистом: «Он всегда декларировал, что атеист, что его таким воспитала советская власть» (Куприянова 2021: 60), при этом он всегда учил видеть красоту и ориентироваться в своих исследованиях на природу, видеть и чувствовать окружающую среду. А слух и взор, настроенные на неё, называл чутьём, в данном случае, археологическим. Фрагменты из иных воспоминаний об исследователе также подтверждают то, с каким трепетным и чутким вниманием он относился к природе, космосу, миру. В этом отношении учёный, несмотря ни на что, до самого конца остался верен себе. Приведём слова самого Геннадия Борисовича из лекции под названием «Что такое Аркаим», прочитанной им в стенах Музея природы и человека в 2016 году, за несколько лет до смерти: «Мы привыкли к степи, она нам скучна. Потом дорога… Вы знаете, дорога она пожирает вокруг пространство. <…> И вот мы едем с бешенной скоростью… <…> Что они видят вокруг? Ничего они не видят. Они не видят этой степи, они не видят пространства, его животного мира… <…> В общем, ничего не видят. Понимаете? И это очень-очень печально, потому что любить свой край и ценить его можно только тогда, когда ты его знаешь. <…> И я своим студентам, когда они идут в разведку – как найти археологический факт? – говорю: ну ты, если красиво, бери лопату, копай – обязательно там будет культурный слой» (https://vkvideo.ru/video-146727481_456239019).

Второй мотив в рамках данной бинарной оппозиции, когда природа становится укрытием, убежищем от жизненной суеты, также воплощается в биографии известного археолога. И вновь позволим сказать об этом самому Геннадию Борисовичу: «Где-то глубоко в сознании была ещё одна детская мечта. Я хотел стать лесником. Как-то, когда я учился в классе четвёртом-пятом, отец взял меня в заповедник на реку Или. Он с друзьями охотился на фазанов, а меня на охоту не взяли, я сидел в избушке лесника и слушал рассказы спокойного мудрого человека о диких кабанах, косулях, птицах или гулял в окрестностях. Хорошо помню кустарник, жёлтые ягоды и тех самых фазанов – красивых пёстрых самцов и маленьких серых самок. Песок, заросли саксаула, мощный жёлтый поток воды и высокое-высокое небо. Где-то далеко снежное величие гор. Природа завораживала. Итак, три осознанных с детства позиции для будущей жизни: желание своими руками делать полезное, тяготение к духовной культуре и истории культуры и – природа, мечта о

каком-то уединённом месте, где можно жить в гармонии с собой и природой» (Археология как жизнь // Дзен. 19.11.2022. URL: https://dzen.ru/a/YpB8WuvffWOOMBxv). И как это часто бывает у Г. Б. Здановича, слова не разошлись с делом: с 1995 года они вместе с супругой, Светланой Яковлевной, перебрались в небольшой дом, расположенный в аркаимской степи, в абсолютном отдалении от городской суеты, где учёный и провёл все последующие годы.

Вторая ключевая бинарная оппозиция в культурно-поэтической матрице: «Поэт – Общество». Относительно этой оппозиции важно отметить: она, с нашей точки зрения, представляется гораздо более сложной для полноценного анализа. Поскольку общество как нечто целое складывается из множества различных объединённых по какому-либо признаку людей, то и характер отношения поэта с этими группами формируется в зависимости от их специфики, как, собственно, и от особенностей (философских, мировоззренческих) самого поэта. Наиболее полное и детальное рассмотрение всего многообразия этих отношений заслуживает, по меньшей мере, отдельной статьи. В связи с этим мы прибегнем к некоторому дозволительному в нашем случае упрощению, выделив только два основных мотива.

Первый мотив связан с противопоставлением поэта и толпы. Важно, что под последней понимается не народ (хотя в некоторых случаях само слово используется как синоним). К толпе одинаково можно отнести как людей из власти (цари, жандармы, чиновники), так и простолюдинов. Принципиально их роднит – по отношению к поэту – холодность, равнодушие и непонимание его «песнопений». Именно толпа, «чернь» обрушивается на поэта с критикой, смехом, презрением и т. д. Толпа здесь потому остаётся холодной, что не может извлечь для себя применимой для обывательской жизни выгоды из трудов поэта: «“О чем бренчит? чему нас учит? / Зачем сердца волнует, мучит, / Как своенравный чародей? / Как ветер песнь его свободна, / Зато как ветер и бесплодна: / Какая польза нам от ней?”». Лишённая поэтического взора и слуха, толпа оказывается не в силах оценить божественное (природное), прекрасное, мечтательное и невыразимое, что поэт дарует в слове, а он, в свою очередь, оказывается не способен донести до неё их высокую ценность: «Ты внемлешь грохоту громов / И гласу бури и валов, / И крику сельских пастухов – / И шлешь ответ; / Тебе ж нет отзыва… Таков / И ты, поэт!». В нашем ракурсе именно между поэтом и толпой обнаруживается главный, особенно острый и, как правило, непримиримый конфликт. Наиболее болезненным для поэта представляется тот случай, когда подобной толпой являются коллеги (другие поэты, стихотворцы, литераторы, литературные критики), близкие люди и друзья. Первое ключевое «оружие» поэта против холода и равнодушия – это своеобразное зеркало, то есть аналогичный холод и равнодушие к толпе: «Поэт! не дорожи любовию народной. / Восторженных похвал пройдет минутный шум; / Услышишь суд глупца и смех толпы холодной, / Но ты останься тверд, спокоен и угрюм. / Ты царь: живи один…». Второе «оружие» – всё тот же побег, уход в одиночество, уединение в природе.

Второй мотив в рамках данной бинарной оппозиции опять же логическое следствие первого. Удалившись от толпы и «суетного света», поэт, тем не менее, продолжает нуждаться в диалоге, реализация которого возможна в трёх ключевых направлениях. Первое связано с обращением поэта к прошлому, а именно к той группе, которую можно обозначить подобно названию культового кинофильма: «Общество мёртвых поэтов». Отсюда в поэзии столь традиционные переклички и посвящения великим поэтам древности. Второе направление – это диалог между поэтами-современниками. Третье – взгляд в будущее, а именно к людям грядущим, которые также будут наделены даром «божественного» взора и слуха и смогут вступить с поэтом и его трудами в достойный, равный и незримый разговор («Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит – / И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит») (НКРЯ: А. С. Пушкин («Толпа глухая…», «Поэт по лире вдохновенной…», «Ревет ли зверь в лесу глухом…», «Поэт! не дорожи любовию народной…», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…»)). Последнее направление, как видится, в конечном счёте является для поэта важнейшим, поскольку будущие поколения не только смогут правильно прочитать и должным образом оценить его творения, но и даруют тем самым единственно возможное для человека бессмертие – память.

Проводя параллель между указанной оппозицией и жизненным путём Г. Б. Здановича, мы также остановимся лишь на самых принципиальных точках соприкосновения.

Прежде всего, после открытия Аркаима в 1987 году, Геннадий Борисович приобрёл как всероссийскую, так и мировую известность. Вместе с этим последовала критика, непонимание или несогласие с целым рядом его принципиальных идей. Для иллюстрации приведём только один наиболее яркий пример небезызвестной телепередачи «Гордон-Кихот», один из выпусков которой был посвящён обсуждению Аркаима и, в значительной степени, самому Г. Б. Здановичу (https://vkvideo.ru/video58775632_149182696). Не касаясь содержания самой передачи, отметим, что даже в первом приближении обращает на себя внимание нарушение самых простых этических правил: Г. Б. Здановича перебивают, обрывают на половине фразы, не дают высказаться и т. д. Особенно запоминающимся оказывается, с нашей точки зрения, выступление известного поэта и писателя Дмитрия Быкова* (*внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов), который в определённый момент взвинчивает себя до истерики и переходит на крик. В конечном счёте,

желали того оппоненты археолога или нет, вместе они действительно превратились в ту самую слитую воедино общим непониманием «толпу», которой противостоял уральский учёный. Смотря запись данной передачи по прошествии лет, нельзя не отметить то поистине пушкинское достоинство, с каким держался Геннадий Борисович, оставаясь «твёрд, спокоен и угрюм».

Надо сказать, что в разные годы критика, связанная в основном с одними и теми же вопросами, звучала от разных исследователей и от учёных-коллег в ближайшем окружении археолога, что является вполне нормальным для научной сферы деятельности. Разумеется, наряду с критиками, рядом с Геннадием Борисовичем оставалось немало преданных единомышленников.

Для нас же интересным является факт того, что учёный и на более ранних этапах (Зданович 2004), и на более поздних (Зданович, Малютина, Зданович 2020a, 2020b) неизменно обращался к текстам Ригведы и Авесты, которые представляются, помимо всего прочего, древними поэтическими произведениями. Надо думать, что для Г. Б. Здановича указанные тексты были не только сравнительным или вспомогательным материалом, позволяющим по-новому взглянуть на исследования Аркаима и других археологических памятников. Вероятно, обращение к данным текстам на протяжении стольких лет так или иначе стало для учёного особой формой диалога с древними поэтами, их знаниями, мудростью, взглядами, в конце концов, с их ритмом и музыкой.

Однако есть причины полагать, что Геннадий Борисович до конца жизни вёл внутреннюю беседу и с многими другими поэтами. Так, например, особенно примечательным кажется завершающий фрагмент в одном из самых последних видеоинтервью, снятом в августе 2020 года, когда до смерти учёного оставалось всего три месяца (clck.ru/3PXeT5). На вопрос интервьюера о возрасте археолога, Геннадий Борисович, смеясь, отвечает: «Я с 38-го года, и скоро мне будет уже, наверное, восемьдесят три». А потом, в ответ на комментарий ведущей о том, что это «чудесный возраст», учёный добавляет: «Как у Блока: “Как трудно жить среди людей / И притворяться непогибшим”».

Если принять во внимание, что в конце своего пути, Г. Б. Зданович действительно отдалился от многих не понявших его коллег и учеников, не только не отказавшись от тех идей, за которые его так сильно критиковали, но и укрепившись в них, в таком случае обстоятельство, когда среди окружающих людей «трудно жить» и приходится «претворяться не погибшим», позволяет смело утверждать о реализации археологом в рамках данной бинарной оппозиции первого «оружия» поэта против «толпы» – обращение к «обществу мёртвых поэтов».

Обращался ли при этом учёный к будущему, и если да, то как, с чем именно? Пожалуй, самый лучший и лаконичный ответ на данный вопрос звучит всё в том же стихотворении А. Блока, а именно в тех строках, которые Геннадий Борисович решил не озвучивать. Сделаем это сами:

«*Там человек сгорел*.
Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать ещё не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!»
(НКРЯ: А. А. Блок «Как тяжело ходить среди людей…»)

На этом этапе жизненного пути мысль выдающегося археолога, по всей видимости, действительно обращается уже не столько к современникам, сколько – по знаменитой ахматовской формуле (НКРЯ: А. А. Ахматова («Я научилась просто, мудро жить…»)) – поверх голов к Богу, именно в поэтическом смысле, то есть к природе, космосу, мирозданию и, безусловно, будущему времени.

В конечном счёте, в размышлениях о быстротечности жизни и смерти Геннадия Борисовича занимали вопросы уже не сиюминутные, а вечные, философские или, как принято их называть в поэзии, категориальные (Дробышев 2023): «А как мы с вами живём? О чём мы думаем? Как мы развиваемся? Какой смысл этой территории и смысл нашей жизни? Ведь жизнь она страшно короткая. <…> Когда мы молодые, мы всё познаём: листочки, лепесточки, любовь и т. д. Но только-только мы повзрослеем, как вдруг мы останавливаемся и думаем: а для чего?» (https://vkvideo.ru/video-146727481_456239019).

И наконец, завершающая и самая, с нашей точки зрения, красивая деталь биографии Г. Б. Здановича

как поэтической фигуры – это, конечно, его двухтомная монография об Аркаиме (Зданович, Малютина, Зданович 2020a, 2020b), ставшая главным трудом всей жизни и увидевшая свет уже после смерти её главного автора. И это – в поэтическом ракурсе – совершенно точное и замечательное обстоятельство.

И вновь обратимся к воспоминаниям Е. В. Куприяновой, которая пишет: «Ему бы (*Г.Б. Здановичу – А.Д.)* вовремя перестроиться, насытить свои популярные статьи более-менее нейтральной терминологией. Но в этом и специфика личности Г.Б. По-моему, в какой-то момент начала острой критики Аркаима он просто уперся и пошел на принцип, не уставая специально и многократно повторять все то, за что его критиковали» (Куприянова 2021: 61). Скажем, что довольно трудно не согласиться с Еленой Владиславовной, если речь идёт о научно-исследовательской стратегии. Однако в случае стратегии поэтической, судя по всем вышеприведённым фрагментам, Геннадий Борисович не мог изменить себе и отказаться от своих «аркаимских» идей, большая часть которых начала формироваться задолго до открытия самого Аркаима. И в этом аспекте тоже прослеживается больше поэтическое, нежели научно-академическое, поскольку и тут учёный действовал исключительно с пушкинским достоинством: «Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный» (НКРЯ: А. С. Пушкин («Поэт! не дорожи любовию народной…»)).

И Геннадий Борисович упорно работал всё последнее время над указанной монографией, по-видимому, не для себя и уж точно не для наград. Труд всей его жизни в какой-то степени для нас, но более всего – для тех, кто будет потом.

Возвращаясь к вопросу знака-имени Г. Б. Здановича в локальном культурном тексте Южного Урала, можно сказать, что в судьбе знаменитого археолога воплощаются все ключевые условия для вхождения в символический капитал региона. В первую очередь, сам Аркаим, а вместе с ним и труды Геннадия Борисовича, широко известны как в мире, так и в пределах страны. При этом, подобно тому, как Н. И. Лобачевский стал первооткрывателем неевклидовой геометрии, так и Г. Б. Зданович традиционно определяется именно в качестве первооткрывателя уникального археологического памятника. Во-вторых, судьба, жизненные стратегии учёного всецело связаны с самим регионом: здесь он жил большую часть времени, преподавал и внёс существенный вклад в развитие археологической школы на Урале, затем способствовал развитию самого региона, что выразилось в появлении Музея природы и человека, строительству значительной части дороги до Аркаима и обустройству территории заповедника.

Большое, как известно, видится на расстоянии, в связи с чем сегодня есть возможность оценить, насколько много удалось свершить этому человеку в течение отнюдь не самого большого отрезка времени.

При этом необходимо сказать о том, какое важное место знак-имя Г. Б. Здановича может впоследствии занять в городском коде Челябинска как центра Южного Урала. Особенная специфика челябинского городского кода обусловлена его историческим и культурным контекстом, где второе неизменно вытекает из первого. Речь, прежде всего, о традиционном горнозаводском, металлургическом и военно-стратегическом направлении развития Челябинска. Поскольку большая часть выдающихся челябинцев связана именно с этими направлениями, в городском пространстве как уникальной семиотической системе представлены преимущественно имена известных промышленников и основателей города, знаменитых танкистов, лётчиков, а также образы, связанные с человеком труда, металлургией, танковым производством и некоторыми другими моментами.

Вместе с этим, любая городская среда, по нашему наблюдению, в той или иной степени тяготеет к художественному и особенно поэтическому образу. Наиболее востребованным практически всегда оказывается именно «свой» поэт, поэт-земляк, который славится и за пределами данного края. Так, например, в рассмотренной ранее Казани ярко представлен в виде памятников, названия театра, центральной улицы и площади, дома-музея знак-имя народного татарстанского поэта Габдуллы Тукая, а также Мусы Джалиля. В городской среде Свердловска-Екатеринбурга в настоящий момент актуализирован знак-имя поэта Бориса Рыжего: открыто несколько мемориальных табличек, запущен трамвай имени поэта, а также переименован в его честь сквер на улице Ферганской, где сегодня идёт строительство литературного парка с памятником знаменитому поэту и стендами с его стихами. Для Тобольска «своим» поэтом, без всяким сомнений, является П. П. Ершов, автор знаменитой сказки «Конёк-Горбунок». В городском пространстве Тобольска, а если быть точнее, в самом центре, рядом с кремлём располагается сквер им. П. П. Ершова. Здесь представлен и памятник самому поэту, и целый ансамбль замечательных скульптур персонажей из его сказки. Кроме этого, именем знаменитого земляка названы рестораны и кофейни. Летом 2025 года в городе были представлены лекторий и музейная выставка под названием «Неизвестный Ершов», а также ряд иных мероприятий.

В городском пространстве Челябинска также представлены знаки-имена поэтов. В первую очередь А. С. Пушкин и парк, названный в его честь. Недалеко от парка, на улице Свободы на стене дома № 149 имеется мемориальная доска Борису Рыжему, первые шесть лет жизни которого были связаны с городом. На улице Сони Кривой, дом № 39, расположена мемориальная доска поэту Людмиле Татьяничевой, которая

жила в Челябинске с 1957 по 1965 годы. Два полноценных памятника в городе, как ни странно, были открыты уже упомянутым Габдулле Тукаю и Мусе Джалилю. При этом Борис Рыжий, Габдулла Тукай и Муса Джалиль, хотя и являются выдающимися, не могут считаться в полном смысле слова «своими» поэтами, поскольку их судьба лишь частично была связана с городом и регионом. Людмила Татьяничева жила на Южном Урале – в Магнитогорске и Челябинске. Она, безусловно, «свой» поэт, не раз воспевший и прославивший Урал. Однако, именно эта сугубо уральская тематика, так или иначе, на сегодняшний день не позволяет говорить о мировом уровне признания поэтессы.

При этом роль в городском коде, если и не «своего» поэта, то хотя бы «своей» поэтической фигуры может сегодня занять Геннадий Борисович Зданович. Материализация знака-имени Г. Б. Здановича в городской среде может быть осуществима посредством открытия мемориальной доски, памятника, дома-музея, выставки или – по аналогии с Б. Б. Рыжим и П. П. Ершовым – полноценного сквера имени археолога, где могли бы расположиться, если и не созданные им, то во всяком случае оживлённые в нашем сознании образы колесницы, древних жителей Аркаима и, конечно, узнаваемого во всём мире укреплённого поселения. При этом думается, что наличие в Челябинске такого сквера создало бы действительно то уникальное и неповторимое место, которое в ином городском коде попросту невозможно.

В качестве послесловия

Заканчивая статью и свои размышления о выдающейся роли Г. Б. Здановича, на ум приходит другая по истине поэтическая фигура – советский писатель и один из лучших отечественных сценаристов, Евгений Иосифович Габрилович. Невольно вспоминаются его замечательные слова, вложенные в уста одного из самых любимых персонажей автора, профессора Никодима Васильевича Сретенского, главного героя в сценарии и фильме «Монолог». Позволим себе процитировать отрывок из его речи почти целиком:

«Здесь, до меня, все были единодушны в том, что я посвятил жизнь науке. Это правильно! Но правильно ли я поступил, посвятив жизнь науке? Вот в чём вопрос, особенно важный для юбилея. Мы с вами твёрдо знаем, и это единственное мы знаем наверняка, что учёный, как и художник, должен быть несколько тронутым, что ли. Он, как и художник, должен рвать логику, раздирать её, следуя простой истине, что дважды два равно четырем только для школяров. Так вот, я не решился на это. Или не сумел. Я был недостаточно полоумным, чтобы воистину стать человеком науки. В науке существуют те, кто прошибает стены, и те, кто потом сто лет подчищают осколки. Так я из этих, из подчищал… И, следовательно, могу ли я называться учёным, дорогие друзья, почтившие наш юбилей невзирая на дождь?..» (Габрилович Е. И. Монолог // Габрилович Е.И. Избранные сочинения. В 3-х т. Т. 3. Сценарии. Москва : Искусство, 1983. С. 134). Ответ на данный вопрос дан автором в конце сценария, когда профессор всё же совершает великое открытие в области химии.

Думается, что Геннадий Борисович Зданович, несмотря ни на что, также прошиб свою стену под названием «Аркаим», оставляя в наследство те бесконечно ценные осколки, рассматривая которые с чутким вниманием и благодарностью, нам предстоит ещё не раз открыть новые горизонты, как в сфере науки, так и в собственной человеческой судьбе.

Список источников

Болдырева Т. В. Типология культурных кодов в драматургии Л. Н. Андреева : дис. … канд. филол. наук. Самара, 2008. 186 с.

Веселова М. Н. Исторический город как текст русской культуры : дис. … канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2009. 192 с.

Геннадий Борисович Зданович: этапы творческого пути // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала : к 70-летию Г. Б. Здановича : сб. науч. тр.: в 2 ч. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 9–23.

Данилевский И. Н. Историческая текстология : учеб. пособие. 2-е изд., пересмотр. Москва : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2024. 556 с.

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с франц. Н. М. Автономовой. Москва : Ad Marginem, 2000. 511 с.

Дробышев А. В. Нравственность как поэтическая ответственность высшего порядка: опыт философско-культурологического эссе // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы XXII Международного научно-творческого форума, Челябинск, 14–15 ноября 2023 года. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2023. С. 56–61.

Ерохина Т. И. Личность как текст: изучение культуры русского символизма // Концепты культуры и концептосфера культурологии : коллективная монография. Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2011. С. 251–261.

Зданович Г. Б. Могила «учителя» или образ горы в культуре «Страны городов» // Аркаим : по страницам древней истории Южного Урала. Челябинск : Крокус, 2004. С. 75–86.

Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Зданович Д. Г. Аркаим. Археология укреплённых поселений : в 2 кн. Кн. 1.

Челябинск : Челябинский государственный университет, 2020. 450 с. https://doi.org/10.47475/9785727116999.

Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Зданович Д. Г. Аркаим. Археология укреплённых поселений : в 2 кн. Кн. 2. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2022. 383 с. https://doi.org/10.47475/9785727118573.

Зданович Геннадий Борисович : К 70-летию со дня рождения : науч.-вспом. биобиблиогр. указ. / сост. Н. Н. Аплонова, С. Г. Рязанцева ; редкол. Л. М. Киселева (отв. ред.) [и др.]. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2008. 49 с.

Зубанова Л. Б. Духовное лидерство в современной России : моногр. Челябинск : ЧГАКИ, 2009. 240 с.

Кораблева Н. В. Жизнь как текст: А. Битов в воспоминаниях современников // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2024. № 17 (41). С. 67–72.

Куприянова Е. В. Аркаим: рождение легенды. Челябинск : Край Ра, 2021. 224 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 448 с.

Масаев М. В. Личность Н. Я. Данилевского как текст и метатекст (к 200-летию со дня рождения) // МедиаВектор. 2022. № 5. С. 102–107.

Петрова М. В. Творческая личность как текст: к опыту «прочтения» // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации : сб. науч. тр.: в 2 т. Ярославль, 16–18 ноября 2017 года / под общ. ред. Н. В. Аниськиной, Л. В. Уховой. Т. 2. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2017. С. 99–106.

Семакина И. А. Бытие как текст : Проблема самоопределения смысла : дис. … канд. филос. наук. Ижевск, 1998. 150 с.

Смирнова Н. Ю. Символизм как текст культуры в творческом сознании Анны Ахматовой : дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2004. 188 с.

Смоляк О. А. Судьба как текст: импорт культурных образцов как стратегия поведения // Studia Culturae. 2003. № 5.

Старинкова Е. В. Музейный предмет как текст культуры : дис. … канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2014. 270 с.

References

Boldyreva, T. V. (2008). *Tipologiia kul'turnykh kodov v dramaturgii L. N. Andreeva* [Typology of cultural codes in the dramaturgy of L.N. Andreev] PhD dissertation. Samara, 186 p. (In Russ).

Veselova, M. N. (2009). *Istoricheskii gorod kak tekst russkoi kul'tury* [Historical city as a text of Russian culture] PhD dissertation. Saint Petersburg, 192 p. (In Russ).

Gennadii Borisovich Zdanovich: etapy tvorcheskogo puti [Gennady Borisovich Zdanovich: stages of creative path]. (2010). *Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Iuzhnogo Urala: k 70-letiiu G. B. Zdanovicha: sbornik nauchnykh trudov* [Arkaim - Sintashta: ancient heritage of the Southern Urals: for the 70th anniversary of G.B. Zdanovich: collection of scientific works]. Cheliabinsk, Chelyabinsk State University Press, 9–23. (In Russ).

Danilevskii, I. N. (2024). *Istoricheskaia tekstologiia* [Historical textology] (2nd ed.). Moscow, HSE Publishing House, 556 p. (In Russ).

Derrida, Zh. (2000). *O grammatologii* [Of Grammatology]. Moscow, Ad Marginem, 511 p. (In Russ).

Drobyshev, A. V. (2023). Nravstvennost' kak poeticheskaia otvetstvennost' vysshego poriadka: opyt filosofsko-kul'turologicheskogo esse [Morality as poetic responsibility of the highest order: experience of philosophical and cultural essay]. *Nauchnye shkoly. Molodezh' v nauke i kul'ture XXI veka: materialy XXII Mezhdunarodnogo nauchno-tvorcheskogo foruma*. Cheliabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture, 56–61. (In Russ).

Erokhina, T. I. (2011). Lichnost' kak tekst: izuchenie kul'tury russkogo simvolizma [Personality as text: studying the culture of Russian symbolism]. *Kontsepty kul'tury i kontseptosfera kul'turologii: kollektivnaia monografiia* [Concepts of Culture and the Conceptosphere of Culturology: Collective Monograph]. Saint Petersburg, Asterion Scientific and Information Technologies Center, 251–261. (In Russ).

Zdanovich, G. B. (2004). Mogila «uchitelia» ili obraz gory v kul'ture «Strany gorodov» [The grave of the "teacher" or the image of the mountain in the culture of the "Country of Towns"]. *Arkaim: po stranitsam drevnei istorii Iuzhnogo Urala* [Arkaim: Through the Pages of the Ancient History of the Southern Urals]. Cheliabinsk, Krokus, 75–86. (In Russ).

Zdanovich, G. B., Maliutina, T. S., Zdanovich, D. G. (2020). *Arkaim. Arkheologiia ukreplennykh poselenii* [Arkaim. Archaeology of Fortified Settlements] (Vol. 1). Cheliabinsk, Chelyabinsk State University, 450 p. https://doi.org/10.47475/9785727116999. (In Russ).

Zdanovich, G. B., Maliutina, T. S., Zdanovich, D. G. (2022). *Arkaim. Arkheologiia ukreplennykh poselenii* [Arkaim. Archaeology of Fortified Settlements] (Vol. 2). Cheliabinsk, Chelyabinsk State University, 383 p. https://doi.org/10.47475/9785727118573. (In Russ).

Zdanovich Gennadii Borisovich: K 70-letiiu so dnia rozhdeniia: nauchno-vspomogatel'nyi biobibliograficheskii ukazatel' (2008). [Gennady Borisovich Zdanovich: For the 70th Anniversary of His Birth: Scientific Auxiliary Bio-Bibliographical Index]. Cheliabinsk, Chelyabinsk State University, 49 p. (In Russ).

Zubanova, L. B. (2009). *Dukhovnoe liderstvo v sovremennoi Rossii* [Spiritual Leadership in Modern Russia]. Cheliabinsk, ChGAKI, 240 p. (In Russ).

Korableva, N. V. (2024). Zhizn' kak tekst: A. Bitov v vospominaniiakh sovremennikov [Life as text: A. Bitov in the memoirs of contemporaries]. *Vostochnoslavianskaia filologiia. Literaturovedenie*, 17 (41), 67–72. (In Russ).

Kupriianova, E. V. (2021). *Arkaim: rozhdenie legendy* [Arkaim: The Birth of a Legend]. Cheliabinsk, Krai Ra, 224 p. (In Russ).

Lotman, Yu. M. (2022). *Vnutri mysliashchikh mirov* [Inside the Thinking Worlds]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 448 p. (In Russ).

Masaev, M. V. (2022). Lichnost' N. Ia. Danilevskogo kak tekst i metatekst (k 200-letiiu so dnia rozhdeniia) [The personality of N.Ya. Danilevsky as text and metatext (for the 200th anniversary of his birth)]. *MediaVektor,* 5, 102–107. (In Russ).

Petrova, M. V. (2017). Tvorcheskaia lichnost' kak tekst: k opytu "prochteniia" [Creative personality as text: towards the experience

of “reading”]. *Chelovek v informatsionnom prostranstve: ponimanie v kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov*. Iaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 99–106. (In Russ).

Semakina, I. A. (1998). *Bytie kak tekst: Problema samoopredeleniia smysla* [Being as Text: The Problem of Self-Determination of Meaning] PhD dissertation. Izhevsk, 150 p. (In Russ).

Smirnova, N. Yu. (2004). *Simvolizm kak tekst kul'tury v tvorcheskom soznanii Anny Akhmatovoi* [Symbolism as a Text of Culture in the Creative Consciousness of Anna Akhmatova] PhD dissertation. Ivanovo, 188 p. (In Russ).

Smoliak, O. A. (2003). Sud'ba kak tekst: import kul'turnykh obraztsov kak strategiia povedeniia [Fate as text: import of cultural patterns as a behavior strategy]. *Studia Culturae*, 5. (In Russ).

Starinkova, E. V. (2014). *Muzeinyi predmet kak tekst kul'tury* [Museum Object as a Text of Culture] PhD dissertation. Saint Petersburg, 270 p. (In Russ).

Информация об авторе

А. В. Дробышев – лаборант-исследователь

Information about the author

Artyom V. Drobyshev – laboratory research assistant

Статья поступила в редакцию 12.04.2025, одобрена после рецензирования 25.08.2025, принята к публикации 07.10.2025.
The article was received by the editors on 12.04.2025, approved after review on 25.08.2025; accepted for publication on 07.10.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.